

О пекторали из кургана Толстая Могила:
из опыта изучения скифских реликвий
греческой работы

Елена А. Савостина

*Московский государственный академический художественный
институт им. В.И. Сурикова при Российской академии художеств,
Москва, Россия, esav@yandex.ru*

Памяти

Елены Владимировны Переводчиковой

Аннотация. Уникальность и сложность композиции пекторали – золотого украшения из скифского кургана Толстая Могила, IV в. до н. э., позволили исследователям предположить ее исключительную значимость для культуры скифов, так родилось представление о культовой (скифской) роли пекторали, которое развивается в большинстве исследований. Однако нужно констатировать следующее: мы не располагаем сведениями, подтверждающими использование вещи в ритуале. Пектораль была найдена в кургане, но вне самого погребения. Сюжет ее главного фриза может быть соотнесен с древней легендой о происхождении династии македонских царей – Аргеадов. Стиль и технологические особенности пекторали не препятствуют отождествлению Македонии или Северной Греции с местом ее изготовления. «Скифская традиция» в современной науке допускает существование обмена царскими дарами, равно как и военными трофеями, между скифскими и македонскими (греческими) правителями. И все же многое остается неясным. Пектораль не имеет аналогий не только в скифском мире, но и в греческой среде. Несмотря на соответствия ее элементам и техническим приемам в других вещах, пектораль остается особым – и особенным произведением искусства, по-прежнему не преодоленным по сложности замысла и мастерству исполнения.

Ключевые слова: золото скифов, курган Толстая Могила, античное искусство, скифская культура, Северное Причерноморье, греческая торевтика, македонская традиция, сюжет Геродота, пектораль

Для цитирования: Савостина Е.А. О пекторали из кургана Толстая Могила: из опыта изучения скифских реликвий греческой работы // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 6. С. 14–27. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-6-14-27

Concerning the pectoral
from the burial mound Tolstaya Mogila.
Based on the study of Scythian relics of Greek work

Elena A. Savostina

*Moscow Surikov State academic art Institute
at the Russian Academy of arts, Moscow, Russia, esav@yandex.ru*

*In memory
of Elena Perevodchikova*

Abstract. The uniqueness and complexity of the composition on the pectoral examined here, a piece gold jewelry from the Scythian burial mound Tolstaya Mogila, C. 4 BC, encouraged researchers to assume it held exceptional significance in Scythian culture, and the idea emerged that the pectoral belonged to a Scythian cult role, and this view has been developed in most studies. However, we do not have any information confirming ritual its use. The pectoral was found in the mound, but outside the burial itself. The plot of the main narrative depicted can be correlated with an ancient legend about the origin of the dynasty of the Macedonian kings, the Argeades. Its style and technical features do not rule out identification of the place of manufacture as Macedonia or Northern Greece. The “Scythian tradition” in modern scholarship allows for the exchange of Royal gifts, as well as military trophies, between Scythian and Macedonian (Greek) rulers. Still, many things remain unclear. The pectoral has no analogues either in the Scythian world, or in the Greek. Despite the correspondence of its elements and techniques with those of other works, the pectoral remains an exceptional and individual work of art, still unsurpassed in the complexity of its design and the quality of its workmanship.

Keywords: Scythian gold, Tolstaya Mogila mound, Greek art, Scythian culture, Northern Black Sea region, Greek toreutics, Macedonian tradition, Herodotus plot, pectoral

For citation: Savostina, E.A. (2021), “Concerning the pectoral from the burial mound Tolstaya Mogila. Based on the study of Scythian relics of Greek work”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, pp. 14–27, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-6-14-27

«В культурах древности произведения искусства неотделимы от тех предметов, на которых они размещены, и... смысл вещи по существу дополняется смыслом изображения», – писала Е.В. Переводчикова в книге о зверином стиле, языке звериных образов в искусстве евразийских степей [Переводчикова 1994, с. 11]. Это

утверждение неоспоримо, и в русле рассматриваемой темы оно может соотноситься не только с предметами узнаваемо-скифской природы, но и с произведениями греческих златокузнецов, вместе с ними найденными в скифских курганах. Несомненно, что наряду со звериным стилем они создают особую ауру культуры кочевников. Но бесспорно, что и эти памятники, как и скифские вещи, требуют прочтения в родовом культурном контексте. Определение их изначально-греческой среды, поиск аналогий и смыслов затруднительны из-за исключительной индивидуальности самих произведений. Возможно, по этой причине, но также по обстоятельствам находки, по тому, что декор вещей нередко включает мотивы скифской жизни, большинство исследователей считают их заказными-скифскими и рассматривают в контексте сугубо скифской традиции.

Среди греческих произведений, прочно вписанных в скифскую культуру, особое место занимает знаменитая золотая пектораль из кургана Толстая Могила, IV в. до н. э. [Мозолевский 1979] (рис. 1). По пекторали восстанавливается картина мира скифов [Раевский 1978, с. 115–134; Раевский 2006, с. 472–498], реконструируются их религиозные представления и ритуалы [Мозолевский 1979, с. 213–224], хотя нередко она становится лишь поводом для игры исследовательского ума, и трактовка «смысла» вещи зависит от фантазии исследователя. Но если снова обратиться к самому произведению, некоторые его черты и свойства могут открыть возможности иного угла зрения, иного поворота в понимании его внутреннего логического содержания. Данная публикация представляет краткие результаты такого опыта¹. Здесь мы остановимся на отдельных моментах, связанных со значением и значимостью вещи в культуре: темах декора, происхождения вещи, ее предполагаемой функции.

Общая композиция пекторали² ясна: она состоит из трех горизонтальных регистров – расположенных один над другим фризов с самостоятельными изображениями. Драматургия верхнего фриза построена на повествовательном сюжете. Два центральных персонажа скифского облика объединены священным действием. Вероятно, при передаче власти, «вступлении царя на престол» [Мозолевский 1979, с. 225], происходит обмен символическим одеянием и поясом [Савостина 2019, с. 66]. Это безусловно смысловой центр

---

¹ Более подробно см.: [Савостина 2019, с. 58–88]. Материал был подготовлен в 2015 г. по предложению Ю.Б. Полидовича (Киев, Украина) для готовящегося тогда издания, посвященного исследованиям пекторали.

² О том, как правильно именовать само изделие, и по сей день возникают дискуссии [Бабенко 2018, с. 188].

Рис. 1. Пектораль из кургана Толстая Могила,
IV в. до н. э.

композиции пекторали³. На вертикальной оси этой главной сцены в других регистрах – сцена «терзания» и расцветший аканф. Но как трактовать весь верхний фриз, на котором изображены и другие скифы, занятые, по общему мнению, «разнообразными домашними делами»? Молодые люди, фигурки которых размещены на пекторали в строгом соответствии симметрии задуманной композиции, заняты по хозяйству: один из них доит овцу, другой уже подоил корову и закрывает горло амфоры. По характеру положений, в которых представлены работники, нельзя сказать ничего особенного. По мнению К. Майера, в градациях иконографии возраста безбородые персонажи – это младшие, несовершеннолетние, таковых видим также на сосудах из Гаймановой Могилы и из воронежских курганов [Meуer 2013, p. 207]. Как и старшие мужчины из центральной сцены, юноши различаются по возрасту. Особое внимание должен обратить на себя род занятий юношей: младший занимается овцами, более взрослый – коровами (рядом одна). Кони расположены возле центральной группы скифов, ближе к персонажу уже «совершеннолетнему», судя по его бороде. В то время как младшие трудятся по хозяйству, он и самый старший скиф заняты своим серьезным делом. При конях в это время никакого пастыря нет. Не старший ли из «молодежи» должен был ими заниматься? Такое распределение ролей в сюжете заставляет вспомнить известную легенду Геродота об агросских беглецах.

³ Подробно варианты интерпретации сцены приведены у М.В. Русяевой [Русяева 2013, с. 435, 436].

Как пишет Геродот, трое братьев, потомки Темена: Гаван, Аероп и Пердикка бежали из Аргоса в Иллирийскую землю. «Из Иллирии, перевалив через горы, братья прибыли в Верхнюю Македонию, в город Лебею. Там они поступили за плату на службу к царю. Старший сторожил коней, второй пас коров, а младший, Пердикка, ухаживал за мелким скотом» (Herod., VIII, 137). Это основная линия легенды по Геродоту [Natzoucououlos 2011, p. 47]. Дальше история, переданная Геродотом, становится не совсем понятной: братьев изгнали, заметив необычайные способности приумножать имеющееся (по мифу, как только для Пердикки выпекали хлеб, его становилось в два раза больше). Они ушли без платы, зачерпнув на прощание солнечных лучей, проникающих в дом (VIII, 108), что нам непонятно, зато было истолковано советником царя как опасность. Потом братья прибыли в другую часть Македонии, поселились близ Садов Мидаса, «завладели этой местностью и отсюда покорили остальную Македонию» (VIII, 108). От этого Пердикки и происходил Александр (VIII, 109), дальний предок Филиппа II и Александра Македонского. Такова рассказанная Геродотом (какое-то время, возможно, жившим при македонском царском дворе в Пелле) легенда о греческом происхождении македонской династии.

Смысл, переданный рассказом Геродота, неясен. И с нашим изобразительным повествованием не вяжется его конец. Здесь по сюжету власть передается явно старшему, а не младшему из молодежи. Зато некоторые детали художественного повествования вполне могут быть навеяны этой легендой: прежде всего, это греческий характер бытовых вещей: амфора и горшок, а еще изображение всех животных с детенышами: братья ухаживают за скотом, и он приумножается.

Но, может быть, у легенды были варианты, царство-то все равно переходит к братьям? А можно предположить, что здесь показан эпизод, у Геродота изложенный без подробностей: «получив там власть...» – бежавшие аргосцы получают власть, после того как отработали на царя и перебрались в Верхнюю Македонию. Вид у юношей «скифский»? Но это мы так их определяем – по аналогии с фризом Чертомлыкской амфоры и месту находки – в скифском кургане. Вид их не противоречит скифам (потому они могли вполне принять эту вещь), но не может ли это быть среднестатистическим типом не-грека, варвара, которых «в общем плане» греки изображали с архаической эпохи, что широко известно по вазописи⁴.

---

⁴ А.П. Манцевич писала о том, что «костюм, который мы видим на монетах Фракии и Македонии, как и на предметах торевтики из СП», не препятствует тому, чтобы и в них видеть македонян или фракийцев [Ман-

Но вот и другой конец истории. В книге Х. Фрэнкс, посвященной сюжетам фрески Гробницы II Большого кургана в Вергине, рассматривая исторический контекст знаменитых находок, автор рассказывает о непростой жизни и самого этого мифа: оказывается, он претерпевал изменения [Franks 2012, p. 108].

Уже во второй половине V в. до н. э. в пьесах Еврипида (который так же, как это предполагается и в отношении Геродота, жил при дворе македонских царей), представлена альтернативная легенда, по ней другой сын Темена – Архелай основывает царство [Franks 2012, p. 108]. А уже в IV в. до н. э. возник ее новый вариант: в исторической традиции появился предшественник Пердикки – Каран (Каранос). О нем сообщают и эпиграфические свидетельства Дельфийского оракула, и позднее Павсаний (Paus. IX, 40, 8), и Плутарх в «Жизнеописании Александра» говорит, что «со стороны отца Александр вел свой род от Геракла через Карана» (Plut., Alex., II). Аргосское происхождение династии при этом не подвергается сомнению. Причина появления Карана и затушевывание роли Пердикки I как основателя династии не объяснима никаким древним источником. Исследователи, однако, имеют свои соображения, и Х. Фрэнкс приводит доводы В. Гринволта [Franks 2012, p. 110]: согласно им, все дело в сложившейся внутривосточной обстановке. Смерть царя Архелая (399 г. до н. э.) повлекла череду частых смен царей, за весьма короткий срок пять правителей сменились на македонском троне, что привело к исчезновению нескольких линий прямых потомков, и последние цари – Аминта II и, наконец, Аминта III, чье правление возрождало некоторую стабильность трона, были Аргеадами (т. е. их род восходил к беглецам из Аргоса), но ни один из них не происходил от Пердикки II (они были внуком и правнуком Александра I от разных его сыновей). Как утверждает В. Гринволт, в таких обстоятельствах «каждый Аминта» имел хороший повод, чтобы снизить роль Пердикки в части царской мифологии. Добавление Карана вводило новый уровень в родословную, так сказать, в династическое игровое поле, редуцируя какие-то особые привилегии на трон Пердикки II через ассоциацию его имени с именем легендарного Пердикки I [Franks 2012, p. 110, f.].

Конечно, мы знаем очень мало о том, как это произошло, чтобы более полно понять свершившиеся изменения, однако то, что в начале IV в. до н. э. некоторые сюжеты ранней македонской легендарной истории были переписаны, является фактом.

цевич 1949, с. 216; Манцевич 1975, с. 11–17]. Но, как ни заманчиво такое предположение, данных об этом пока недостаточно. Подробно все элементы «фракийской теории» рассматривает Л.И. Бабенко [Бабенко 2020, с. 46].

Можно полагать, что события IV в. до н. э. и изменения в мифологической генеалогии царей Македонии нашли отражение и в искусстве, и именно с этими обстоятельствами связано то, что в сюжете, разрабатываемом в пекторали, царскую власть принимает не самый младший из трех братьев.

Но и это еще не все, что можно было бы сказать о том времени и о возможных причинах возрождения темы основания династии Аргеадов. В середине IV столетия к власти приходит Филипп II (359–336 гг. до н. э.), будущий отец Александра, который не родился прямым наследником трона, и никто даже не думал, что он станет царем, как младший из трех братьев, сыновей Аминты: он появился после Александра и Пердикки. Став правителем, Филипп возвращает захваченные македонские земли и серебряные рудники Дамастииона, т. е. объединяет Верхнюю и Нижнюю Македонию, как в доисторические времена. Престиж Филиппа чрезвычайно возрастает. На какое-то время, пишут историки, он становится национальным героем [Грин 2010, с. 10].

Дальнейшие завоевания Филиппа, возможно, затмили бы этот эпизод в череде побед, но по своей значимости он, бесспорно, мог быть поводом для возобновления интереса к старой легенде. В ней есть намек на право македонцев на иллирийские земли и на захват обеих Македоний, восходящий к истории происхождения династии, и явная аллюзия на трех сыновей Аминты, обосновывающая власть Филиппа, а потому мы вправе полагать, что и сюжет пекторали мог быть связан с возрождением старой легенды, рассказанной в еще одном, пока неизвестном нам варианте. Нельзя забывать и о других важных событиях, сопутствующих установлению власти Филиппа, – захвате золотых Пангейских рудников, дающих материал для чеканки золотой монеты и только способствующих изготовлению золотых украшений, а также расширению границ за счет греческих полисов и прежде всего Амфиполиса на фракийском побережье и Пидны на южном побережье Македонии [Шахермайр 1986; Natzourpoulos 2011, p. 48].

Итак, в основу сюжета верхнего фриза пекторали могла быть положена варьирующаяся во времени легенда, связанная с возникновением македонской династии. Цари, происходящие от эллинов (от Зевса через Геракла), распространили свою власть на негреческие или давно оторвавшиеся от общего корня племена македонцев – этим можно объяснить негреческие черты костюма участников эпической сцены.

Но может ли оказаться полезным трактовка сюжета для дальнейших шагов в изучении пекторали? Возможно, ее сюжет поможет понять и связать с его происхождением некоторые осо-

бенности стиля и техники металлообработки [Савостина 2019, с. 60, 73].

Возникновение представлений о том, что все драгоценные предметы, найденные в скифских курганах IV в. до н. э., изготавливались исключительно для скифов и по их заказам боспорскими ювелирами как «понимающими в теме», сопоставимо с историей атрибуции греческих расписных ваз, впервые обнаруженных в этрусских гробницах и воспринятых как продукция этрусских мастеров. Только раскопки в Греции и новые материалы смогли изменить эту точку зрения. В производстве «золота скифов» боспорскими мастерами были уверены исследователи XIX и XX в. (за редким исключением, см: [Манцевич 1949, с. 220]), по поводу пекторали эта идея преобладает [Мозолевский 1979, с. 238; Русяева 2013, с. 434; Бабенко 2013, с. 450]⁵. Однако пока в пользу этих предположений нет прямых или косвенных данных⁶, и именно новая версия трактовки ее сюжета дает возможность предложить иное направление поисков.

Новые социально-экономические обстоятельства, экономический бум, последовавший за захватом Восточной Македонии с золотыми рудниками Пангеи, возвышение могущественного сословия гетайр – македонской аристократии, создало исключительные условия для подъема ювелирного искусства, которое развивалось в Македонии задолго до этого. Уже в VI в. до н. э., как считает Е. Тзигарида, в Македонии изготавливалась большая часть греческих украшений, в декоре которых преобладали геометрические и растительные мотивы [Tsigarida 2003, p. 21]. Что же происходит с возвышением Македонии? В ее продукции природа остается основным источником вдохновения мастеров и развивается в растительных темах, таких как вьющиеся побеги, завитки, усики, пальметты, розетки и им подобное [Tsigarida 2003, p. 22]. Сохранилась и техника накладной филигрании, и техника прокатки золотого листа – как гладкий фон для филигрании [Andronikos 1992, fig. 136]. Примечательны среди украшений этого периода ажурные диадемы из спиральных завитков, роскошные ожерелья [Tsigarida 2003, p. 22]. Все эти приемы близки растительному фризу пекторали не только по технике, по композиции и стилю растительного

---

⁵ Впрочем, с благодарностью отмечу, что мое недавнее предложение иного поворота темы также воспринято положительно [Бабенко 2020, с. 50].

⁶ По моему мнению, на основании стилистических особенностей о боспорском производстве продукции златокузнецов можно говорить пока лишь о двух золотых «загадочных предметах»: из Передериевой Могилы и Ставропольского кургана [Савостина 2014, с. 37–38].

декора, по использованию контрастного сочетания гладкого листа и накладного орнамента, но и по уровню исполнения. Соответственно, на основании близости декорационной системы, общего построения схемы орнамента и разработки его элементов можно рассматривать эти районы и в качестве предположительного места изготовления пекторали [Савостина 2019, с. 75].

Наконец, обратимся к возможной роли этой вещи в ритуале. По мнению первооткрывателя кургана и согласно данным последующих исследований, основное погребение комплекса Толстая Могила датируется около 350/340–320 г. до н. э. [Мозолевский 1979, с. 229; Алексеев 2003, с. 264, 296]. Но пектораль изготовлена явно раньше своего захоронения. Сохранность ее говорит о том, что еще до того, как попасть в курган, она имела ряд повреждений – помимо предполагаемого пояса-шнура в центральной группе скифов, до нас не дошедшего, утрачены цветки и детали аканфowego стебля среднего фриза, «с мясом» вырван кусочек над головой оленя в нижнем фризе [Мозолевский 1979, с. 86]. Причем, судя по характеру проведенных реставрационных мероприятий, вещь явно находилась в районах, отдаленных от цивилизованных мастерских. Датировка около 350–340 г. до н. э. вполне вероятна для пекторали. При желании эта дата может быть ассоциирована с объединением Верхней и Нижней Македонии, а если связать ее изготовление с получением фракийских золотых рудников, то это могут быть и 40-е годы. Однако нет оснований углубляться в такие подробности.

Но как пектораль с эпическим македонским сюжетом могла попасть к царским скифам? Наверное, при ответе на этот вопрос справедливо будет применить ту же аргументацию, что приводят скифологи, объясняя появление знаменитого скифского горита из карагодеуашхской серии в гробнице македонского правителя (Гробница II Большого кургана в Вергине). Подробно об этом пишет А.Ю. Алексеев [Алексеев 2003, с. 240 и сл.]. Есть несколько версий: горит в золотой обкладке захвачен македонянами после столкновения со скифами в 339 г. до н. э., получен в дар во время переговоров, получен в дар по случаю женитьбы Филиппа на дочери царя Атея (?).

Напомним, что Атей царствовал над племенами Малой Скифии, граничащей с Фракией, отношения с Филиппом II у него складывались разные: то это была дружба, то вражда, и в 339 г. до н. э. в возрасте «после 90 лет» Атей погиб на поле брани, сражаясь с Филиппом (Lukian. Makrob., 10). Восстанавливая картину мира скифов после смерти царя Атея, А.Ю. Алексеев пишет, что около того времени, в третьей и на рубеже третьей и четвертой четвертей IV в. до н. э. в степной зоне Северного Причерноморья сооружа-

ются новые «царские» курганы, среди которых и Толстая Могила. И далее: «некоторые из скифских аристократов, похороненные под насыпями этих курганов, вполне могли принимать участие в войнах Атея, даже если подвластная ему территория была ограниченной, так как из сообщений Фронтин и Полиена известно о возможной помощи Атею со стороны “верхних” – отдаленных скифов» [Алексеев 2003, с. 243].

Трудно отрицать, что эта логическая цепочка предположений может быть прочитана и в обратном порядке. Примерно так: «скифский аристократ», похороненный под насыпью кургана, вполне мог контактировать с Атеем и выступать на его стороне в конфликте с Филиппом. Поэтому пектораль могла достаться ему как трофей, захваченный в столкновении со скифами в 339 г. до н. э., получена в дар во время переговоров, получена в дар от Атея за оказание помощи в войне (а тот, в свою очередь, получил ее в дар, когда у них с Филиппом были хорошие отношения...).

Так или иначе, но этот драгоценный предмет, «пожив» как подарок или трофей, был включен в состав приношений, сопровождавших погребение скифа.

И вот пектораль положена в курган. Но как, в каком контексте? Можно ли сказать о том, как и каким образом она использовалась? Нет никаких сомнений в том, что в составе инвентаря Толстой Могилы эта вещь выглядит так же одиноко, как и в ряду других произведений, с которыми она была ранее сопоставлена [Мозолевский 1979, с. 52, рис. 35]. Более того, обращает на себя особое внимание то, что пектораль найдена не в самой камере, а в дромосе у входа в нее (это подчеркивает и Мошинский, упоминает Бабенко [Бабенко 2018, с. 200, примеч. 21]). Вместе с ней обнаружены золотое украшение нагайки, два колчаных набора, наборный пояс и меч в золотых ножнах – все предметы совершенно иного стиля исполнения. Возможно, она не объединялась в какие-то комплексы и при «жизни» вещи, а была и остается принадлежностью совсем иного круга.

Уникальность и сложность композиции пекторали – памятника из скифского кургана – позволила исследователям предположить ее исключительную значимость для культуры скифов, – так родилось представление о культовой (скифской) роли пекторали, которое развивается в большинстве исследований, обрастая самыми смелыми предположениями.

Однако мы должны констатировать следующее: данные о том, что она имела какое-то отношение к фигуре скифского царя, отсутствуют. Пектораль связана с богатым погребением, но ее курган не определен как погребение первого ряда (Б.Н. Мозолевский). Даже

А.Ю. Алексеев, выстроивший свою увлекательную концептуальную модель скифского мира, в которой многие значительные курганы связаны с реально царствовавшими историческими лицами, не предположил «царской» персонализации центрального погребения кургана Толстая Могила.

Далее, мы не располагаем сведениями, подтверждающими гипотезу о том, что эта вещь использовалась в ритуале. Как в скифском, так и в греческом и македонском. Пектораль была найдена не только не на теле царя, но и вообще, насколько можно понять, вне самого погребения [Мозолевский 1979, с. 52, рис. 35], т. е. еще «не действовала» как медиатор [Петрухин 2001, с. 147; Бабенко 2013, с. 453] (если, конечно, когда-нибудь «действовала» в этом качестве вообще).

Как показал проведенный анализ, сюжет главного фриза пекторали может быть соотнесен с древней легендой, в основе которой проступает переданное Геродотом сказание о происхождении династии македонских царей – Аргеадов. Стиль и технологические особенности пекторали не препятствуют отождествлению Македонии или Северной Греции с местом ее изготовления [ср.: Бабенко, 2018, с. 190]. «Скифская традиция» в современной науке допускает существование обмена царскими дарами, равно как и военными трофеями, между скифскими и македонскими (греческими) правителями.

И все же многое остается неясным. Пектораль не имеет аналогий не только в скифском мире, но и в греческой среде. И сейчас, несмотря на возможно найденные соответствия в других вещах ее элементам и техническим приемам, пектораль остается особым – и особенным произведением искусства, по-прежнему непревзойденным по мастерству исполнения и легкости замысла ее создателя – «мастера Пекторали» [Савостина 2001, с. 285], вне зависимости от трактовки ее символики и ритуального назначения.

Литература

- Алексеев 2003 – Алексеев А.Ю. Хронография Европейской Скифии VII–IV вв. до н. э. СПб.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 2003. 416 с.
- Бабенко 2013 – Бабенко Л.И. О семантике композиции пекторали из Толстой Могилы // Боспорский феномен: Греки и варвары на Евразийском перекрестке. СПб., 2013. С. 449–454.
- Бабенко 2018 – Бабенко Л.И. Пектораль или гривна? (о соответствии термина и морфологии украшения) // *Stratum: Археология и культурная антропология*. 2018. № 3. С. 187–204.

- Бабенко 2020 – *Бабенко Л.* Восточнобалканские корни пекторали из Толстой Могилы // Дриновский сборник. София; Харьков: Изд-во БАН «Проф. Мария Дринов», 2020. Т. 13. С. 43–52.
- Грин 2010 – *Грин П.* Александр Македонский: Царь четырех сторон света. М.: Центрполиграф, 2010. 304 с.
- Манцевич 1949 – *Манцевич А.П.* К вопросу о торевтике в скифскую эпоху // Вестник древней истории. 1949. № 2. С. 196–220.
- Манцевич 1975 – *Манцевич А.П.* Изображение «скифов» в ювелирном искусстве античной эпохи // *Archeologia*. 1975. Т. 26. С. 11–17.
- Мозолевський 1979 – *Мозолевський Б.М.* Товста Могила. Київ: Наукова думка, 1979. 252 с.
- Переводчикова 1994 – *Переводчикова Е.В.* Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1994. 206 с.
- Петрухин 2001 – *Петрухин В.Я.* «Золотое руно»: Св. Георгий и «скифская космограмма» // МИФ. 2001. № 7. С. 147–156.
- Раевский 1978 – *Раевский Д.С.* Из области скифской космологии: (Опыт семантической интерпретации пекторали из Толстой Могилы) // Вестник древней истории. 1978. № 1. С. 115–134.
- Раевский 2006 – *Раевский Д.С.* Мир скифской культуры. М.: Языки славянских культур, 2006. 598 с.
- Русяева 2013 – *Русяева М.В.* Сюжеты и стиль эллино-скифской торевтики в контексте развития классического искусства Эллады // Боспорский феномен: Греки и варвары на Евразийском перекрестке. СПб., 2013. С. 434–443.
- Савостина 2001 – *Савостина Е.А.* «Боспорский стиль» и сюжеты Геродота в пластике Северного Причерноморья // Боспорский рельеф со сценой сражения (Амазономахия?). М.; СПб.: Изд-во ГМИИ им. А.С. Пушкина; Летний сад, 2001. Т. 2. С. 284–303. (Монография о памятнике)
- Савостина 2014 – *Савостина Е.А.* Иконография скифской битвы и «боспорский стиль»: новый повод для обсуждения проблемы // Таврические студии: Исторические науки. № 6. Симферополь, 2014. С. 32–40.
- Савостина 2019 – *Савостина Е.А.* Несколько заметок о пекторали из кургана Толстая Могила: вопросы атрибуции и культурной принадлежности // Боспорские исследования. 2019. Вып. 39. С. 58–88.
- Шахермайр 1986 – *Шахермайр Ф.* Александр Македонский. М.: Наука, 1986. 384 с.
- Andronikos 1992 – *Andronikos M.* Vergina: The Royal Tombs and the ancient City. Athens. Ekdotike Athenon S.A., 1992. 244 p.
- Franks 2012 – *Franks H.M.* Hunters, Heroes, Kings. The Frieze of Tomb II at Vergina. Princeton: The American School of Classical Studies at Athens, 2012. 158 p. (Ancient Art and Architecture in Context; 3)
- Hatzoupoulos 2011 – *Hatzoupoulos M.B.* Macedonia and Macedonians // Brill's Companion to Ancient Macedonia. Studies in the Archaeology and History of Macedon, 650 BC – 300 AD / Ed. by R.J. Lane Fox. Leiden: Brill. 2011. No. 5. 707 p.

- Meyer – Meyer C. Greco-Scythian art and the Berth of Eurasia. From Classical Antiquity to Russian Modernity. Oxford: University Press, 2013. 431 p.
- Tsigarida 2003 – Tsigarida E.-B. Jewellery from the Geometric period to Late Antiquity (9th c. BC – 4th c. AD) // Greek Jewellery. Athens: Archaeological Receipts Fund, 2003. P. 20–23.

References

- Alekseyev, A.Yu. (2003), *Khronografiya Evropeyskoy Skifii VII–IV vv. do n. e.* [Chronography of European Scythia 7th – 4th centuries BC], Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha, Saint Petersburg, Russia.
- Andronikos, M. (1992), *Vergina: The Royal Tombs and the ancient City*. Ekdotike Athenon S.A., Athens, Greece.
- Babenko, L.I. (2013), “On the semantics of the composition of the pectoral from the Tolstaya Mogila” in *Bosporskii fenomen. Greki i varvary na Evraziyskom perekrestke* [The Bosporan phenomenon. Greeks and Barbarians at the Eurasian crossroads], Saint Petersburg, Russia, pp. 449–454.
- Babenko, L.I. (2018), “Pectoral or gryvna? (about the correspondence of the term and the morphology of the adornment)”, *Stratum. Arkheologiya i kulturnaya antropologiya*, no. 3, pp. 187–204.
- Babenko, L.I. (2020), “Eastern Balkan Roots of the Pectoral from the Tovsta Mohyla”, in *Drynovskii sbornik*, vol. 13, pp. 43–52.
- Franks, H.M. (2012), *Hunters, Heroes, Kings. The Frieze of Tomb II at Vergina*, The American School of Classical Studies at Athens, Princeton, USA, 158 p. (Ancient Art and Architecture in Context; 3)
- Grin, P. (2010), *Aleksandr Makedonskii. Tsar chetyrekh storon sveta* [Alexander The Great. King of the four corners of the Earth], Tsentrpoligraf, Moscow, Russia.
- Hatzoupoulos, M.B. (2011), “Macedonia and Macedonians” in Lane Fox, R.J. (ed.), *Brill's Companion to Ancient Macedonia. Studies in the Archaeology and History of Macedonia, 650 BC – 300 AD*, Brill, Leiden, Netherlands, no. 5.
- Mantsevich, A.P. (1949), “On the question of toreutics in the Scythian time”, *Vestnik drevnei istorii*, no. 2, pp. 196–220.
- Mantsevich, A.P. (1975), “The image of the “Scythians” in the jewelry art of Greek time”, *Archeologia*, vol. 26, pp. 11–17.
- Meyer, C. (2013), *Greco-Scythian Art and the Berth of Eurasia. From Classical Antiquity to Russian Modernity*, University Press, Oxford, UK.
- Mozolevs'kii, B.M. (1979), *Tovsta Mogila* [The Tolstaya Mogila mound], Naukova dumka, Kiiiv, Ukraine.
- Perevodchikova, E.V. (1994), *Yazyk zverinykh obrazov. Ocherki iskusstva evraziyskikh stepei skifskoi epokhi* [Artistic language of animal images. Essays on the art of the Eurasian steppes of Scythian time.], Izdatelskaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, Moscow, Russia.

- Petrukhin, V.Ya. (2001), «*Zolotoye runo*»: *Sv. Georgiy i «skifskaya kosmogramma*» [The “Golden skin”. St. George and the “Scythian cosmogram”], *MIF*, no. 7, pp. 147–156.
- Rayevskii, D.S. (1978), “From the sphaera of Scythian cosmology (Interpretation experience of semantic of the pectoral from Tolstaya Mogila)”, *Vestnik drevnei istorii*, no. 1, pp. 115–134.
- Rayevskii, D.S. (2006), *Mir skifskoy kultury* [World of Scythian culture], Yazyki slavyanskikh kultur, Moscow, Russia.
- Rusyayeva, M.V. (2013), “Subjects and style of Hellenic-Scythian toreutics in the context of the development of classical art in Greece”, in *Bosporskii fenomen. Greki i varvary na Evraziyskom perekrestke* [The Bosporan phenomenon / Greeks and Barbarians at the Eurasian crossroads], Saint Petersburg, Russia, pp. 434–443.
- Savostina, E.A. (2001), “The ‘Bosporan style’ and motifs from Herodotus in Plastic Arts from the Northern Pontic Area (transl. by K. Judelson), in *Bosporskii rel'ef so stsenoi srazheniya (Amazonomakhia?)* [Bosporan Battle Relief (Amazonomachia?)], Izdatel'stvo GMIИ imeni A.S. Pushkina; Letnii sad, Moscow, Saint Petersburg, Russia, vol. 2, pp. 304–327. (Monografiya o pamyatnike)
- Savostina, E.A. (2014), “Iconography of the Scythian battle and the ‘Bosporan style’. A new reason to discuss the problem”, in *Tavrisheskiye studii. Istoricheskiye nauki* [Tavrichesky studios. Historical sciences], no. 6, pp. 32–40.
- Savostina, E.A. (2019), “Some remarks on the pectoral from the burial mound Tolstaya Mogila. The questions of attribution and cultural background”, in *Bosporskie issledovaniya* [Bosporan studies], vol. 39, pp. 58–88.
- Shakhermayr, F. (1986), *Aleksandr Makedonskii* [Alexander the Great], Nauka, Moscow, Russia.
- Tsigarida, E.-B. (2003), “Jewellery from the Geometric Period to Late Antiquity (9th c. BC – 4th c. AD)” in *Greek Jewellery*. Archaeological Receipts Fund, Athens, Greece, pp. 20–23.

Информация об авторе

Елена А. Савостина, доктор искусствоведения, Московский государственный академический художественный институт им. В.И. Сурикова при Российской академии художеств, Москва, Россия; 109544, Россия, Москва, Товарищеский пер., д. 30; esav@yandex.ru

Information about author

Elena A. Savostina, Dr. of Sci. (Art Studies), The Surikov Moscow State Academic Art Institut, Moscow, Russia; bld. 30, Tovarishchesky line, Moscow, 109544, Russia; esav@yandex.ru